

— А-а-а! — захлебываясь брызнувшей из разбитого носа кровью, истошно завопил староста. Он попытался вскочить, но тяжелый сапог опустился ему на грудь, снова намертво пригвоздив к земле.

Лишь теперь Цзян Ту сорвал с головы красное свадебное покрывало, явив миру холодный прищур тонких глаз.

Свадебный паланкин замер, затихли резкие звуки суон. Цзян Ту не видел, что творится снаружи, но и без того понимал: они прибыли на место.

Цзян Ту ненавидел неопределенность. Сведения, которыми владела Ван Паньди, были слишком скудны. Все тайны твари, засевшей в Деревне Множества Благословений, следовало выпытать у того, кто находился ближе всех к центру заговора.

И кто подходил на эту роль лучше, чем сам староста?

Раз уж добыча сама шла в руки, грех было не пустить ее в дело.

— Как... почему ты?! Кто ты вообще такой?! — староста под его ногой хрипел от ужаса, вытаращив глаза, будто узрел выходца с того света.

Цзян Ту едва заметно нахмурился.

Почувствовав, что тяжесть на груди на миг ослабла, дважды битый староста смекнул, что за этим последует, и истошно завопил:

— Нет! Пощади, не надо больше! Умоля...

Цзян Ту просто наступил ему на бьющееся в судороге горло, легко и небрежно оборвав крик на полуслове.

«Шумно».

Опустив веки, он бросил на распластанного под ним человека холодный взгляд. Длинные ресницы отбрасывали темные тени на его бледное лицо.

— Разве я разрешал тебе открывать рот?

В тесном полумраке паланкина мгновенно разлилась удушливая, кислая вонь — между ног старосты стремительно расползлось мокрое пятно.

Е Хуай с брезгливой гримасой отдернул ногу и поспешно прижался к Цзян Ту, боясь даже кончиком сапога коснуться нечистот.

Цзян Ту продолжал прижимать шею старосты к полу. Стоило ему слегка надавить, как истошные вопли сменились удушливым хрипом, а хрупкие кости гортани зловеще затрещали.

Лишь когда лицо старосты начало синеть, Цзян Ту неторопливо умерил натиск, милостиво позволив несчастному сделать крошечный вдох.

Тот судорожно, до предела разевая рот, жадно хватал ржавый воздух:

— Не убивай... умоляю, не убивай меня... пощади...

От его причитаний у Цзян Ту заныли виски.

— Что скрывается под Деревней Множества Благословений?

С наступлением урочного часа облик деревни изменился до неузнаваемости, однако все эти жуткие метаморфозы оставались лишь внешней ширмой, не затрагивая сути вещей.

Это касалось и самих жителей. Перед тем как войти в паланкин, Цзян Ту намеренно проверил их духовной силой: вопреки зловещему облику бумажных человечков, под бумажной кожей все еще теплилась человеческая плоть.

Шумные бесчинства на поверхности на поверку оказались лишь отвлекающим маневром. Стоило сопоставить это с рассказом Ван Паньди о руках, тянущихся из-под земли и утаскивающих беглецов обратно вглубь, как вывод напрашивался сам собой: скверна свила гнездо под землей.

Однако староста явно не ожидал, что гость сразу перейдет к делу, и опешил:

— Я... я не понимаю, о чем вы спраши... А-а-а!

Цзян Ту резко наступил ему на плечо — и с коротким, сухим треском выбил сустав.

Обливаясь холодным потом от дикой боли, староста с трудом вскинул голову. Лицо его истязателя оставалось абсолютно спокойным, а в безупречных чертах сквозило величие, до странности не вязавшееся с творимым им насилием.

Цзян Ту молчал. Его сапог медленно скользнул по ребрам несчастного, словно намечая очередную цель для перелома.

Это не было пустой угрозой: чужак действительно мог — и собирался — разобрать его на мелкие кусочки.

Ужас вышиб из старосты последние остатки самообладания, и под ним снова потекло:

— Расскажу! Всё расскажу! Только не надо больше, пощадите!..

Зуб на зуб у него не попадал от рыданий:

— Наша деревня... Много лет назад, когда еще не было барьера Небесной реки, здесь всюду кишели демоны. Чтобы спастись, прошлый староста... Не я! Клянусь, не я! Он принес откуда-то извне изваяние Будды Тысячи Лепестков Лотоса...

«Небесная река?»

Цзян Ту смутно припоминал это название. Кажется, так именовали грандиозный защитный барьер, возведенный силами мира заклинателей около сотни лет назад. Впрочем, подробностей он не знал.

Что же до Будды Тысячи Лепестков Лотоса... В нынешние времена, когда богами и буддами готовы объявить едва ли не каждую проползающую тварь, столь сомнительное божество не стоило и крупицы его внимания.

Староста, всхлипывая, торопливо продолжал:

— Будда обладал великим могуществом. Он обещал защищать деревню, но взамен выставил условие: каждый год, третьего числа третьего лунного месяца, мы должны выбирать для него невесту и играть свадьбу.

— И если Будда оставался доволен новобрачной, то на третий день после торжества прямо из земли являлся Драгоценный женьшень. Еще один прорастал спустя девять месяцев. Эти два корня и служили его щедрым свадебным даром...

— Но сегодня вовсе не третье число третьего лунного месяца, — ледяным тоном оборвал его Цзян Ту. — Сегодня Праздник духов, пятнадцатый день седьмого месяца.

Староста мелко закивал, съеживаясь от страха:

— Верно, верно, Праздник духов... Но если сам Будда выбрал этот день, кто из нас посмел бы сказать «нет»?..

Избитый староста жаждал вымолить сострадание, но Цзян Ту был к нему абсолютно равнодушен.

— Где прячется твой Будда Тысячи Лепестков Лотоса? Думай хорошенько, прежде чем ответить.

Староста еще порывался как-то уклониться от прямого ответа, но стоило холодному взгляду Цзян Ту соскользнуть на его второе, пока еще целое плечо, как он испустил жалкий хрип и затараторил:

— Под землей! Прямо под Деревней Множества Благословений! Нужно постучать дважды по каменной плите, и откроется подземный ход... Но Будда явится только после завершения обряда! Лишь когда невесту проводят в свадебные покои, он снизойдет к ней!

— И всё, что от вас требуется, — доставить невесту? — уточнил Цзян Ту.

Разве смел староста лгать?

— Именно так! Все остальные лишь провожают невесту, а я... на мне лежит обязанность проверить... чиста ли девица телом!

— Это всё? — равнодушно отозвался Цзян Ту.

Теперь его задумчивость обрела смысл: стало ясно, почему один лишь староста избежал превращения в бумажного человечка и щеголял в алых свадебных одеждах.

Староста исступленно затряс головой:

— Всё, клянусь, больше ничего! В подземелье Будда сам завершает обряд, наше присутствие там не требуется. Да разве посмел бы я причинить кому-то вред...

Цзян Ту молча и резко пнул его под челюсть.

Тот даже охнуть не успел — голова его безжизненно мотнулась, и он провалился в глубокое забытие.

От зрелища столь хладнокровной расправы Е Хуай совершенно онемел.

Цзян Ту шагнул через распростертое тело старосты и, пригнувшись, покинул тесный паланкин.

— Не отставай.

Вокруг клубился вязкий туман. Праздничный гул свадебной процессии долетал словно из-за глухих горных круч, приглушенный и далекий. Вокруг не было ни души — лишь непроглядная белесая мгла застилала взор.

Сделав несколько шагов вперед, они ощутили, как изменилась земля под ногами. Наклонившись, Цзян Ту разглядел вросшую в землю каменную плиту с резным лотосовым узором, отливающим древней бронзой. К тяжелому кольцу посреди двери был привязан пышный свадебный цветок из красного шелка — нелепый и зловещий.

Цзян Ту опустился на колено и коротко ударил по створкам. Жест показался совсем легким, но каменная твердь отозвалась на него гулким, басовитым стоном.

Вскоре каменные створки разошлись в стороны, обнажая уходящую вниз лестницу. Ступени оказались настолько узкими, что ставить ногу приходилось боком, едва ли не на цыпочках.

Узкий, душный лаз тянулся бесконечно долго, но в самом конце обрывался просторным залом. Подземная пещера превосходила любые ожидания. Стоило ступить на дно, как подошвы погрузились во что-то мягкое, податливое — словно под ногами лежала теплая живая плоть, которая сперва проседала, а затем мягко пружинила, выталкивая путников наверх.

Из темноты впереди вынырнул тусклый отблеск. Мрак немного отступил, позволяя рассмотреть убранство подземного чертога.

На дальней стене красовался огромный, вырезанный из красной бумаги иероглиф «Двойное счастье». Прямо под ним высился поминальный стол с парой деревянных стульев по бокам. На них застыли два бумажных человечка, грубо размалеванных белилами и румянами, — мужчина и женщина.

Слабое сияние исходило от расставленных на столе белых свечей. Без единой искры они вдруг занялись мертвенным пламенем, уродливо напоминая три поминальные палочки на чьей-то могиле.

Место новобрачного пустовало. Вместо него высилась огромная, под три чжана, каменная статуя разгневанного трехглавого и шестирукого идола, восседавшего в сердцевине многолепесткового лотоса.

Приглядевшись, можно было заметить, что у изваяния нет привычного постамента — каменный цветок словно пробивался сквозь землю, уходя нижними лепестками глубоко во влажную плоть пола.

Цзян Ту сделал шаг к алтарю, но почувствовал, как кто-то несмело ухватил его за край широкого рукава.

Обернувшись, он увидел растерянное лицо Е Хуая.

— Господин... мы действительно должны идти туда?

Густой, осязаемый холод клубился в подземелье. Стоило Е Хуаю бросить взгляд на жуткого идола, как всё его естество взбунтовалось — древний инстинкт зверя кричал, требуя немедленно спастись бегством.

С тех пор как его подобрал Цзян Ту, мальчик давно не испытывал подобного ужаса. Внутренний голос нашептывал: этот Будда Тысячи Лепестков Лотоса таит в себе угрозу куда более страшную, нежели заклинатель в желтых одеждах.

Ему хотелось увести Цзян Ту подальше от этого проклятого места. Путь наверх, к свободе, еще открыт. Пока ничего не случилось, нужно просто развернуться и уйти!

Но Цзян Ту лишь покачал головой:

— Я не пойду.

Е Хуай едва успел перевести дыхание.

И тут же пещеру огласил сухой, глухой треск.

На груди каменного идола пролегла глубокая борозда, стремительно разрастаясь уродливой паутиной. словно под ударом неведомого, сокрушительного молота, огромная статуя в одно мгновение рассыпалась на куски.

У Е Хуая перехватило дыхание, разум не успевал за событиями — всего секунду назад грозный Будда возвышался над ними, а теперь от него остался лишь каменный остов увядшего лотоса.

С глухим хлопком из груди каменных осколков вырвался сгусток черного тумана. Он быстро принял очертания человеческой фигуры, облаченной в парчовые свадебные одежды. Его полыхающий ненавистью взор мгновенно пригвоздил Е Хуая к месту.

Мальчик инстинктивно отпрянул, но не успел сделать и шага, как холодная ладонь властно уперлась ему в лопатки, безжалостно вытолкнув прямо навстречу чудовищу.

— Господин!.. — в ужасе выдохнул Е Хуай, оборачиваясь.

На кончиках тонких пальцев Цзян Ту в этот миг угасал багровый всполох духовной энергии.

«Это Цзян Ту... разбил статую Будды?»

Пока он стоял, не в силах пошевелиться, прямо к его ногам со звоном рухнул длинный меч, искусно вырезанный из мертвенно-белой кости.

Бездушный голос Цзян Ту настиг его сзади:

— Подними.

Теперь сомнений не осталось. Проглотив так и не сорвавшийся с губ вопрос, мальчик резко присел — обезумевший от ярости дух Будды уже летел прямо на него, исказив лицо в кошмарной гримасе.

Е Хуай кубарем покатился по грязному полу, чудом разминувшись с первым ударом.

От его неуклюжего кувырка вековая пыль взметнулась тучей, забиваясь в горло и нос. Он отчаянно закашлялся, пытаясь вдохнуть.

И прямо перед его глазами возникло мертвенно-бледное лицо твари!

Искаженная злобой физиономия Будды ничем не отличалась от бумажного человечка. Пустые зрачки буравили его насквозь, а из глотки вырывался клокочущий хрип:

— Мерзкая шлюха! Решила тайно понести от другого?! И дитя уже вон как вымахало!

Сквозь яростный рев Е Хуай слышал ноты дикой обиды и уязвленного самолюбия. Он мгновенно сообразил: «шлюхой» разгневанный идол именовал вовсе не его, а Цзян Ту, стоявшего поодаль.

Хватка призрака оказалась прочнее железных оков. Изрыгая проклятия в адрес неверной невесты, тварь мертвой хваткой вцепилась в горло Е Хуая, твердо намеренная первым делом извести ублюдка.

— Тварь! Мерзкий ублюдок!

Задыхаясь, Е Хуай инстинктивно забил ногами по телу духа, однако вторая пара рук чудовища мгновенно перехватила его лодыжки, лишая последней надежды на спасение.

Любое сопротивление сделалось бесполезным. Кислород стремительно покидал легкие, сознание заволакивала удушливая пелена.

Тело Е Хуая сводило предсмертной судорогой. В гаснущем разуме билась одна-единственная отчаянная мысль:

«Неужели Цзян Ту спас его, дал имя и вел за собой лишь ради того, чтобы здесь, в темном склепе, скормить этому чудовищу?»

«Уж лучше бы он сделал меня своим Сосудом для парного совершенствования».

«А я-то, дурак, поверил, что он не такой, как все. Поверил, что кошмар закончился, и мне больше не придется бежать...»

«Какой же ты глупый пес, Е Хуай. Поверил чужаку. Сам виноват, туда тебе и дорога».

<http://bllate.org/book/19047/1919423>